

THE ENTRY INTO FORCE OF THE COURT'S JUDGMENT IS NOT THE CRITERION OF IT'S RIGHTFULNESS

© 2014

Mikelsone G.V., Master of Philology, Master of Law, doctoral student in the University of Latvia,
Faculty of Law, lawyer in the advocate office «Centrs»

University of Latvia, Riga (Latvia)

Annotation: In this article the author opposes to the dominant view in legal science that one of the criteria of rightfulness of court's judgment and decision and legally important statements, which are included in judgment or decision, is entry into force of this judgment or decision. With several examples of general jurisdiction's courts' practice the author proves that often courts' judgments and decisions, which are entried into force, are unlawful, but null and void judgments and decisions are rightful.

Keywords: Court's judgment and decision; case law; legal sources; entry into force of the court's judgment (decision); rightfulness of the court's judgment (decision); legal science; The European Court of Human Rights.

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ПРАВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

© 2014

Насонова И.А., доктор юридических наук, профессор
Воронежский институт МВД России, Воронеж (Россия)

Аннотация: В статье рассматривается ряд особенностей охраны прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Среди них: специфика правовой регламентации указанного вида деятельности; особая уголовно-процессуальная форма производства по данной категории дел, предусматривающей ряд дополнительных гарантий для охраны прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера и др.

Ключевые слова: лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, защитник, законный представитель, уголовно-процессуальная форма, гарантии, охрана прав, доказательства, совершенствование правовой регламентации.

Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве гарантирована законом и распространяется на всех лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, причем независимо от вида процессуальных действий, выполняемых в отношении их. По своей сути она является уголовно-процессуальной деятельностью, включающей в себя ряд направлений, а именно профилактическое (предупреждение нарушения прав и свобод), защитительное (восстановление нарушенных прав и свобод) и обеспечительное (создание условий для реализации предусмотренных законом прав и свобод) направления. Субъектами ее осуществления являются государственные органы и должностные лица (суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания), которые используют различные дозволенные законом процессуальные средства. Они представлены главным образом полномочиями указанных лиц, образованны-

ми из их прав и обязанностей. Арсенал процессуальных средств будет существенно отличаться в зависимости от того, какое должностное лицо осуществляет охранительную деятельность. Связано это с тем, что каждого из субъектов законодатель постарался наделить своими характерными только для него процессуальными возможностями, подчеркивающими специфику их роли в уголовном судопроизводстве. Так, только для прокурора свойственна возможность требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального закона; только для руководителя следственного органа характерна возможность отстранять следователя от дальнейшего производства расследования и т.д. Несмотря на это, проблема дублирования полномочий некоторых должностных лиц до конца не решена. Она остается актуальной и на сегодняшний день.

Объектом охранительной деятельности являются права и свободы человека и гражданина, иными слова-

ми, права, свободы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Причем, речь идет, как о нарушенных, так и о ненарушенных правах и свободах. Имея в виду опосредованность интереса правовыми нормами, существование его в форме субъективного права, можно заключить, что объектом рассматриваемой охранительной деятельности являются также и законные интересы личности.

Опираясь на сказанное, можно было бы сформулировать следующую дефиницию охраны в сфере уголовно-процессуальных отношений: «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве есть основанная на законе и облеченная в форму уголовно-процессуальных отношений деятельность суда, прокурора, следователя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, дознавателя, направленная на обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, включая установление и устранение причин и условий, способствующих посягательству на права и свободы личности, а также деятельность, связанная с их защитой».

Охрана прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, является частным случаем охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Ее особенности определяются прежде всего спецификой носителя этих прав. Им выступает лицо, совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, а также лицо, совершившее преступление и страдающее психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и лишь при условии, когда психическое расстройство связано с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц (ч. 1 и 2 ст. 97 УК РФ).

Особенности охраны прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, характеризуются следующими обстоятельствами:

1. спецификой правовой регламентации указанного вида деятельности. Она заключается в применении в ходе рассматриваемого вида производства не только конституционных норм, норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, но и положений соответствующих Федеральных законов (например, Федерального закона от 7 мая 2009 г. N 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больных (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением»), постановлений Правительства Российской Федерации, приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации, а также положений международных актов (например, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г.) и практики Европейского Суда по правам человека [1]).

2. особой уголовно-процессуальной формой производства по данной категории дел, предусматривающей ряд дополнительных гарантий для охраны прав и закон-

ных интересов лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. К числу таких гарантий, например, относятся: проведение по каждому делу рассматриваемой категории судебной экспертизы; запрет на рассмотрение таких дел судом с участием присяжных заседателей (ст. 352 УПК РФ); гражданский иск, заявленный по уголовному делу о применении принудительных мер медицинского характера, не подлежит рассмотрению в уголовном судопроизводстве и т.д.

Одной из особенностей уголовно-процессуальной формы производства по рассматриваемой категории дел является обязательность производства предварительного следствия (ч. 1 ст. 434 УПК РФ). Это нормативное требование, сформулированное в самом общем виде, позволило авторам предложить следующие варианты определения момента, по достижении которого возникает необходимость передачи дела для его производства в порядке предварительного расследования. Г.П. Химичева полагает, что дознаватель должен направить материалы прокурору с постановлением о передаче уголовного дела по подследственности в случае, если в ходе назначенной им комплексной психолого-психиатрической экспертизы будет получено заключение экспертизы, содержащее вывод о невменяемости лица, в отношении которого ведется дознание [2].

Е.В. Ермакова обоснованно считает, что дознаватель инициирует передачу уголовного дела данной категории для производства предварительного расследования следователю, если он в соответствии с требованиями п.3 ст. 196 УПК РФ назначает комплексную психолого-психиатрическую экспертизу либо если у него возникают сомнения в действительности психического заболевания либо во вменяемости лица, а равно способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела [3].

Специфичность указанной уголовно-процессуальной формы обуславливает ее некоторую обособленность, которая обеспечивается нормативным положением о выделении уголовного дела в отдельное производство (ст. 436 УПК РФ).

3. предоставлением лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, права лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные статьями 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права.

Необходимо отметить, что за последнее время круг прав данного лица заметно расширился. Так, оно получило право кассационного и апелляционного обжалования, возможность участия в апелляционном, кассационном, надзорном производстве и т.д.

В тоже время нельзя обойти стороной следующую проблему. Норма, закрепленная в ч. 1 ст. 437 УПК РФ, по сути, рассматривает лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, в качестве участника уголовного судопроизводства. Однако, и после принятых законодателем изменений в ноябре 2010 г. ему не нашлось места в разделе II УПК РФ среди участников уголовного судопроизводства.

Полагаем, целесообразным дополнить УПК РФ статьей 48.1 «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера», в которой не только дается опре-

деление данного лица, но и раскрываются его права. Очевидно, что такой подход полностью согласуется с логикой правового регулирования большинства остальных участников уголовного судопроизводства, предусмотренных разделом II УПК РФ.

Хотя необходимо отметить, что и этого будет недостаточно для того, чтобы лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, превратилось в полноценного участника уголовного судопроизводства. Необходимо устранить имеющиеся противоречия между процессуальными нормами, ставящими под сомнение определенную самостоятельность данного участника процесса. Среди них – несогласованность между нормой, предоставляющей лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, право лично осуществлять процессуальные права, предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ (ч. 1 ст. 437 УПК РФ), включая и право давать показания, и нормой, посвященной доказательствам (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В связи с этим трудно не согласиться с авторами в том, что в силу ст. 74 УПК РФ показания этого участника уголовно-процессуальных отношений по-прежнему не рассматриваются в качестве источника доказательств по делу [4].

Целесообразным, на наш взгляд, будет предусмотреть в указанной статье еще один вид доказательств: показания лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

4. возможностью лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, защищать свои права с помощью законного представителя. Последним могут быть близкие родственники или другие указанные в пункте 4 статьи 5 УПК РФ лица. А при их отказе от участия в деле, или их отсутствии – орган опеки и попечительства (ч. 1 ст. 437 УПК РФ).

К сожалению, определение законного представителя (п. 12 ст. 5 УПК РФ) не учитывает возможности его участия на стороне лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Поэтому имеет смысл внести коррективу в указанную норму, добавив в качестве законного представителя близких родственников лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Что же касается вопроса совершенствования правовой регламентации участия законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, то одной из таких мер может быть закрепление его процессуального статуса, наряду со статусом представляемого в разделе II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства».

5. наделением лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, возможностью воспользоваться для защиты своих прав услугами защитника. Его участие по такой категории дел является обязательным (ст. 438 УПК РФ).

Очевидно, что участие защитника по таким делам осложняется нехваткой глубоких знаний в области патопсихологии, психиатрии и собственно психологии.

В связи с этим своевременно поставить вопрос о специализации защитника на оказании не только юридической помощи несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, но и помощи лицам, в отношении которых

ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера. Полагаем, что и по данной категории дел защитник должен иметь соответствующие профессиональные навыки, специальную подготовку и квалификацию. Он должен обладать знаниями в области психологии, психиатрии, позволяющими гарантировать правовую защищенность указанных лиц.

6. недопустимостью вынесения по такой категории дел обвинительного приговора, впрочем, как и оправдательного. Особыми видами итоговых судебных решений в данном случае являются: постановление об освобождении от уголовной ответственности или наказания и о применении конкретной принудительной меры медицинского характера; постановление о прекращении уголовного дела (ст. 443 УПК РФ).

Авторами обоснованно предлагается для лиц рассматриваемой категории предусмотреть в законе еще один этап движения дела, включающий приостановление производства по делу [5]. Приостановление производства по делу, не является итоговой формой по уголовному делу и этим оно отличается от выше перечисленных видов решений. В тоже время – это важный и в некоторых случаях необходимый этап в движении дела, включая и такие, в которых главным действующим лицом являются лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Рассмотренные выше особенности охраны прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о повышенном внимании законодателя к рассматриваемой проблеме. Это прослеживается прежде всего в установлении им дополнительных гарантий данного вида охраны.

Указанные особенности также позволяют говорить не только о надежности существующей обеспечительной базы данного вида уголовно-процессуальной деятельности, но и об определенных резервах совершенствования правовой регламентации охраны прав лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011г. №6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7.
2. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 64.
3. Ермакова Е.В. Понятие и значение симуляции психических расстройств в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С. 77-78.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 1192.
5. Гриненко А.В. Обеспечение прав лиц, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции. М.: МАЭП, 2011. С. 139.

FEATURES OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE PERSON IN WHICH RELATION MANUFACTURE ABOUT APPLICATION OF FORCED MEASURES OF MEDICAL CHARACTER IS CONDUCTED

© 2014

Nasonova I.A., doctor of legal sciences, professor Voronezhskij Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh (Russia)

Annotation: In article a number of features of protection of the rights of the person in which relation manufacture about application of forced measures of medical character is considered. Among them: specificity of a legal regulation of the specified kind of activity; special criminally-remedial mode of production on the given category of affairs providing a number of additional guarantees for protection of the rights and legitimate interests of the person in which relation manufacture about application of a forced measure of medical character is conducted, etc.

Keywords: the person in which relation manufacture about application of a forced measure of medical character, the defender, the lawful representative, the criminally-remedial form, guarantees, protection of the rights, proofs, perfection of a legal regulation is conducted.

УДК 340

БАНКОВСКАЯ ТАЙНА И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ (УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

© 2014

Неверова Н.В., кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы правовой природы банковской тайны, её гарантирующее значение в обеспечении прав личности, даётся сравнительный анализ регламентации в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности» и в уголовно-процессуальном законодательстве. Обращается внимание на недостатки законодательного регулирования рассматриваемого правового института, предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: Банковская тайна; права личности; правовые гарантии; правовое регулирование; уголовное судопроизводство.

Банковская тайна является одной из сложных, недостаточно разработанных в теории и не получивших должного законодательного оформления правовых категорий. Будучи закрепленной в ст. 857 ГК РФ и в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», она не имеет своего определения. Ее содержание, правовая природа, пределы действия, правовые основания и порядок преодоления устанавливаемых ею запретов в литературе толкуются по-разному. Нет единства в определении многих вопросов банковской тайны и в самом законодательстве.

Многие исследователи банковскую тайну применительно к физическим лицам воспринимают и освещают в виде составной части закрепленного в ч. 1 ст. 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [1]. Не исключая в принципе возможность такого подхода к пониманию банковской тайны [2], мы полагаем, что правовая природа этого юридического феномена заключается не в предоставлении права, а в его обеспечении. Суть банковской тайны со-

стоит в запрете делать явным то, что считается тайным и не подлежит разглашению без должных к тому оснований и соблюдения предусмотренного законом порядка. Частная, личная жизнь гражданина, выражающаяся в том числе в размещении денежных средств в банках и других кредитных организациях и распоряжении ими, декларируемая в Основном Законе РФ, может быть действительно неприкосновенной, т.е. закрытой, если она обеспечивается системой соответствующих экономических, социальных и правовых гарантий. Одной из важнейших юридических гарантий обеспечения указанного конституционного права, а также права каждого гражданина на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной деятельности (ст. 34 Конституции РФ) является банковская тайна. Именно данный аспект сути и назначения института банковской тайны отражен в ст. 857 ГК РФ и ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», которые исходят из соответствующих норм Конституции РФ. Устанавливая запрет на разглашение сведений о счетах,